

«Шпион» Георгий Жженов

Маск Права - 2002 - 13 мая - с. 6.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Поклонники народного артиста России Георгия Степановича Жженова любят и хорошо знают его работы. Фильмы «Ошибка резидента», «Судьба резидента», «Горячий снег», «Экипаж», «Выбор цели» стали классикой отечественного кино. Несмотря на свой преклонный возраст, Георгий Степанович активно участвует сегодня в работе многих кинофестивалей, возглавляя жюри, отборочные комиссии, встречаясь со зрителями. Совсем недавно перед поездкой на фестиваль во Владикавказ, куда актеры и журналисты не особо стремились, помня о недавних печальных событиях, я спросила у артиста: «Не страшно ехать?» Ответ последовал неожиданный: «После ночи в 1938-м, когда за мной пришли двое в штатском и я стал «врагом народа», мне уже ничего не страшно в этой жизни».

Рассказывает Леонид Филатов:

- Георгия Степановича Жженова я знал и до «Экипажа», то есть знал по экрану, а лично знаком не был. Мне всегда казалось, что он похож на моего отца. Думаю, не мне одному так казалось. Он был похож на всех отцов мира. Один его облик создавал некий уют в душе.

Позднее я узнал о его непростой судьбе. Узнал, что он прошел ГУЛАГ, как, в общем, и все лучшие люди нашей страны. Прошел, но не надломился!

В 70-е годы, когда снимался «Экипаж», он был таким же ладным, стройным и сильным, как в молодые свои годы. В нем была какая-то надежность, основательность. Может быть, поэтому с ним так любили разговаривать артисты...

Но мы знаем Жженова не только как талантливого артиста, но и как замечательного литератора. Его проза, воспоминания всегда отличались бесценным качеством - правдивостью.

- До того, как был опубликован рассказ «Саночки», - вспоминает Георгий Степанович в предисловии к своей книге, - на моих творческих вечерах, в письмах, на улице люди спрашивали меня: «Вы поехали на Колыму и на Таймыр по комсомольской путевке?» Но уже после публикации в журнале «Огонек» и после книжки «Омчугская долина» вопрос стал звучать иначе: «А за что вас посадили, Георгий Степанович?»

И хотя большинство спраши-

вающих не хуже меня знали, что репрессиям подвергались миллионы безвинных, мой ответ: «Ни за что» - никого не устраивал...

Человеческая память - гигантский музей, хранящий в своих «записниках» все неостребованное временем, все забытое.

Никаких других источников, по которым я мог бы сверить собственную память с действительностью, с фактами чудовищного произвола властей, в моем распоряжении нет. И спросить некого... Один за другим уходят из жизни последние свидетели - человек не вечен! Годы, проведенные в царстве ГУЛАГ, не способствуют долголетию. Среди товарищей по несчастью я был одним из самых молодых тогда.

До ареста я дневников или записных книжек не вел - легкомысленно надеялся на свою молодую память. Позже - в заключении, когда еще была надежда на возвращение, когда особенно хотелось запомнить все, что происходило со мной и вокруг меня, чтобы когда-нибудь на свободе рассказать обо всем людям, - вести дневниковые записи, а тем более хранить их было равносильно самоубийству.

В годы лагерного произвола увековеченных слов боялись больше, чем оружия. И не без основания: все беззакония всегда творились скрытно от народа!

Началом всех несчастий в нашей семье явился роковой декабрь 1934 года, когда был убит Сергей Миронович Киров.

В эти скорбные для ленинградцев дни университет в числе других предприятий и организаций города отдавал последний долг памяти партийного лидера, тело которого было выставлено для прощания в Таврическом дворце, недалеко от Смольного.

Стояли сильные декабрьские морозы. Мой брат Борис, студент механико-математического факультета университета, обратился к комсору своего курса с просьбой разрешить ему остаться. Показав на свои разбитые ботинки, он сказал: «Если я пойду в Таврический дворец, я обязательно обморозю ноги. Какой смысл? Кирову это не поможет».

Комсорг донес об этом в комитет комсомола университета, несколько извратив слова брата: «От того, что я пойду прощаться, Киров не воскреснет».

Последовало немедленное ис-

ключение из университета. И как следствие этого - лишение прописки, то есть права жительства в Ленинграде. Восстановился - с трудом. Но в декабре 1936-го почтальон принес повестку, обязывающую брата явиться в Управление НКВД. В назначенный в повестке день Борис ушел в «Большой дом». Домой он оттуда не вернулся никогда!

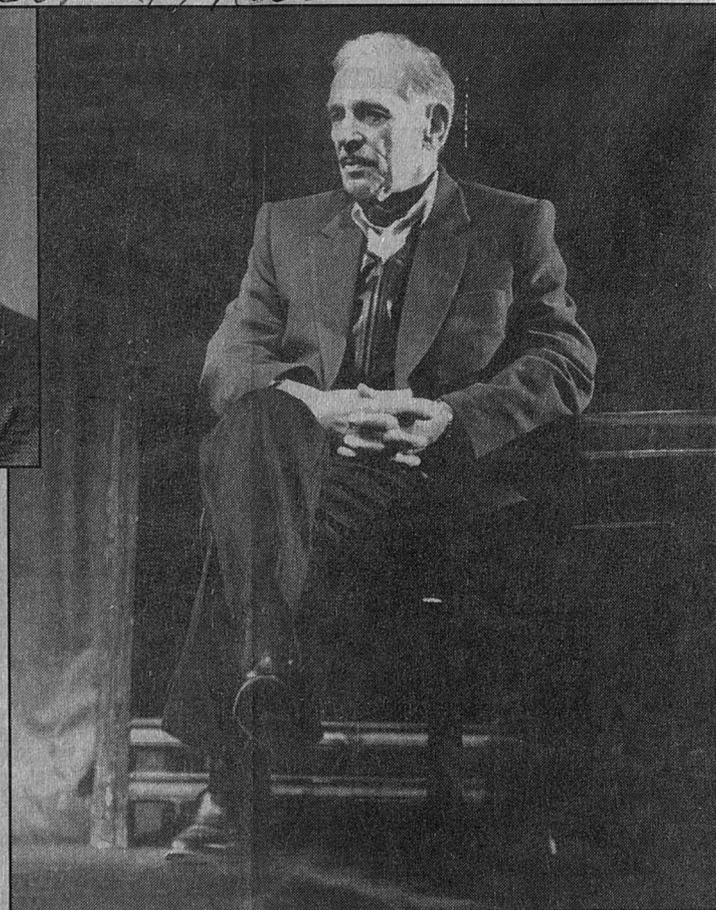
Нам же с матерью перед отправкой на этап («за антисоветскую деятельность») было разрешено свидание с ним...

Без жгучего стыда не могу вспоминать свое поведение в тот день... Когда я взглянул в его землистое лицо, меня вдруг захлестнула такая обжигающая душу жалость... Захотелось немедленно предпринять что-то. Утешить, подбодрить, вселить надежду. Я понес какую-то несусветную чушь насчет добросовестного труда из арсенала пропагандистских «сказок про белого бычка»... «Не отчаивайся, - говорил я ему, - постарайся хорошо работать в лагере. Твои семь лет проскочат за дватри года... Все будет хорошо!»

С каждым моим словом Борис мрачнел, все больше и больше уходил в себя... В его жестком взгляде, устремленном на меня, читались стыд и презрение. Наконец он не вытерпел: «Пошел вон отсюда, болван! Позови мать».

Господи, какой я еще был мальчишка, теленок, смотревший на мир сквозь «розовые очки»! Да я не один - большинство были такими. С искренней верой и простодушием мы распевали лихо побасенки Лебедева-Кумача... Мы многого не знали! Не знали, не ведали, что в стране, «где так волноно дышит человек», тюрьмы уже под завязку набиты сотнями тысяч таких же, как и мы, ликующих жертв.

Дома, когда мы вернулись со

свидания, мать показала несколько исписанных листков папиросной бумаги, переданных Борисом тайно от надзирателя при прощании.

- Вот, сынок, прочти!.. Боря передал.

Очень мелким, убористым почерком, экономно используя каждый сантиметр дефицитной бумаги, Борис хладнокровно анализировал ситуацию, в которой оказался он и другие заключенные.

Он почти не писал о себе, не жаловался. Со свойственным ему аналитическим складом ума он, как хирург, вскрывал весь ужас увиденного и пережитого в застенках внутренней тюрьмы НКВД... Рисовал картину полной беззащитности арестованных перед произволом слепой силы, когда тщетны любые доводы разума и логики, когда из последствий издевательством и пытками выбивают угодные следствию «признания» и «показания», достаточные для последующего осуждения.

Писал он и о методах, применяемых на Шпалерке, сравнимых разве что с методами гестапо, о

которых охотно сообщали наши центральные газеты, как о примерах чудовищного вандализма и надругательства над человеческой личностью.

Потрясенный, я тут же под одобрительным взглядом матери в страхе сжег его записки в печке.

- Напрасно, сынок, напрасно... Прочитал бы как следует, повнимательнее. Кто знает, может, и пригодится в жизни.

Слова матери оказались пророческими.

Сразу после осуждения брата со всех нас, живших в одной квартире с ним, сначала была взята подписка о невыезде из Ленинграда, а вскоре, летом 1937 года, последовала и высылка в Казахстан. В ответ на мой отказ уехать мне было заявлено: «Не поедешь - посадим!»

Ровно через год свое обещание НКВД сдержало...

...Жженов Георгий Степанович, 1915 года рождения, уроженец города Ленинграда, был осужден по обвинению... в шпионской деятельности.

Подготовила
Елена КУРБАНОВА.